

Евг. Дюбюк.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ИСТОРИИ
ЗВЕРОВОЙ ОХОТЫ
в Костромском крае.

Из материалов к истории зверовой охоты в Костромском крае.

И сейчас еще, в XX в., Костромской край является классической страной лесов. Почти две трети всего его пространства заняты лесами. 300—400 лет тому назад лесов было во всяком случае не меньше, чем теперь: при редком в то время населении несомненно их было гораздо больше. Иностранцы, посещавшие Московское государство в XVI—XVII вв., согласно описывают северную половину тогдашней Московии, в том числе и Костромские пределы, как глухую лесную сторону.

Леса этой глухой стороны, как и естественно ожидать, изобиловали всякого рода зверем. Еще и сейчас зверя не мало в лесах губернии, особенно в восточной ее половине. В древние времена их, конечно, было гораздо больше, чем теперь, когда леса уже значительно поизведены.

Впрочем в этом отношении Костромской край старых времен не представлял собою исключения. Вообще Московия изобиловала зверем. С. В. Бахрушин дает красочную картину этого изобилия. Он отмечает, что «еще в XVII в. Россия представляла по отзывам иностранцев во всей своей совокупности как бы громадный зверинец: нигде в мире не ловится большее количество белок, серых и рыжих, горностаев, куниц, лесных кошек, рысей и т. д. Под самой Москвой, речки кишмя кишели бобрами, напр., Клязьма, Воря и другие. *Рысиными, горностаевыми и белчиными мехами славились в XVI в. Галицкое и Угличское княжества*, в XV в. около Углича еще попадались соборы; лучшие куницы меха шли из Муромских лесов. Особенно много медведей было, судя по некоторым грамотам, в Дмитровских и Каширских лесах. Охота на лосей упоминается повсеместно, но больше всего их водилось около Мурома»¹⁾.

¹⁾ С. В. Бахрушин. «Княжеское хозяйство в XV и первой половины XVI в.». Сб-к статей, посвящ. В. О. Ключевскому. М. 1909, стр. 579. Между прочим, весьма любопытна та характеристика Московского государства 17 века в лесном и охотничьем отношении, которая дается в рукописной «Книге, глаголемой Козмография», составленной неизвестным автором в царствование Алексея Михайловича и найденной в Галицком Паисиевом м-ре (ныне хран. в архиве Костр. Научн. Об-ва). В Московском государстве—говорится там (об. л. 120)—«а леса великие, страшные, а въ нихъ зверей всякихъ разныхъ несказанное множество; звѣриныхъ и птичьихъ ловцовъ нигде смысленнѣе и мастероватѣе нѣтъ, какъ московские люди; соколовъ, кречетовъ, ястребовъ и всякихъ ловчихъ птицъ множество; скота и птицъ домашнихъ и дикихъ на пищу челоукомъ неудобъ сказанное множество; во всякихъ довольствахъ и въ прохладствѣ то Московское государство преизобилуетъ». В другом месте (л. 121) о лесах говорится так: «а леса великие, страшные, дикие, непроходимые; во всемъ свѣтѣ такихъ лѣсовъ мало, лѣса тѣ подобны морю».

Но не только много зверя водилось в тогдашней Московии и в частности в Костромском крае; необходимо отметить, водились также виды зверей, которые теперь уже вовсе или почти в ней не встречаются, вывелись.

В очень древние времена, надо думать, водились здесь *туры* (дикие быки), сделавшиеся в XVI ст. весьма редкими в России. Правда, прямых указаний на это не имеется, но любопытно отметить, что герб Нерехты изображает два турьих рога на голубом поле. Наряду с этим о турах напоминает Туровская гора (вместе с селом того же наименования) на берегу Галичского озера—любимое место охоты галичских князей ²⁾. Может быть, того же происхождения название села Тураня в Варнавинском у. ³⁾.

Из «Описания Костромского наместничества, составленного в 1792 г.» ⁴⁾ видно, что в конце XVIII ст. в крае водились *дикие кабаны* и *россомахи* ⁵⁾. Кабаны в настоящее время не встречаются вовсе ⁶⁾. Исчезла, повидимому, и росомаха ⁷⁾. Водился, вероятно, раньше и со-

²⁾ См. С. Сытин. Древний город Галич Костромской. М. 1905, стр. 8.

³⁾ Учитель Туровского народного училища Павел Шамагин отмечает в материалах анкеты Костр. Уч. Арх. Ком., что «существует сказание, что в лесных глухих здешних местах в древности обитали какие то «туры», отчего предполагают и самое происхождение названия селения» (села Тураня). На прежнее существование туров указывают также след. названия селений: Турилово в Галичском и Кологривском уу., Туринки в Нерехотском, Туровка в Солигаличском, Турово в Галичском и Макарьевском, Турыково в Чухломском, Турлыново в Макарьевском, Турыгино в Костромском, Турань в Ветлужском. См. Списки населен. мест по свед. 1870—72 гг. Костр. губ. Изд. Ц. Ст. К та. СПб. 1877. В анкете Костр. Научн. Об-ва 1919 г. «Берегите достояние народа» Словинский (Макар. у.) волостной исполн. к-т на вопрос, не известно ли местонахождение курганов, городищ и т. п. сообщает, что дер. *Турово* Словинской вол. имеет какое-то старинное предание, связанное с бывшими могилами, также и роща «*Турьи горы*».

⁴⁾ Костр. Губ. Вед. 1859 г. № 17, стр. 156.

⁵⁾ М. пр., в Моисеевской вол., Варнав. у. есть речка Росомаха. См. «Список насел. мест Костр. губ. по свед. 1907 г.». Изд. Костр. Губ. Зем.

⁶⁾ Отметим, что в Костр. губ. имеются селения с названиями, производными от кабана: Кабаниха в Нерехотском и Кабаново в Галичском, Нерехотском и Чухломском уу. В Галичском у. имеется также деревня и пустошь Вепрево. См. «Список насел. мест по свед. 1870—72 гг.». Существование в Костр. крае в прежние времена дикого кабана доказывается и раскопками. При раскопках Богородского городища, напр., среди так назыв. кухонных остатков, принадлежащих древним обитателям края, найдены, между прочим, и кабаньи клыки, в том числе и отделанный в виде рукоятки и украшенный линиями и точками. См. об этом в статье: «Исследование Богородского городища Варн. у., произвед. чл. ком. А. П. Поливановым» («Костр. ст.», V, Кострома, 1901 г., стр. 282, 283, 291)

⁷⁾ От охотников приходилось слышать, будто бы в недавнее время в Галичском уезде была убита росомаха, но, насколько сообщение это верно, проверить не удалось.

болы. Мы уже упоминали, что в XV в. около Углича, т. е. в соседней Ярославской губ., еще попадались соболы ⁸⁾.

В ряду других представителей лесной фауны в старые времена в Костромском крае водился также бобр, ныне исчезнувший на пространстве большей части России.

Как это установлено Ф. П. Кенпен ⁹⁾, собравшим обширный фактический материал и дающим на основании его детальную картину распространения бобра в пределах России в прежнее время, бобр некогда «был распространен в непрерывной связи от берегов Вислы вплоть до правых притоков Лены, а, может быть, даже до Охотского моря» и «водился везде, где существует (или когда-то существовала) древесная растительность, по преимуществу же чернолесье». В частности «повидимому, бобр в прежнее время был распространен на всем севере Европ. России до пределов лесной растительности» ¹⁰⁾.

Однако, как ни полны приводимые в названном исследовании данные, в них все же имеются пробелы. Между прочим, пробелы эти касаются как раз Костромского края, на что впрочем указывает и сам автор. «За отсутствием более новых сведений как из Ярославской, так и из Костромской губ. — говорит он — нет возможности определить, когда бобры вымерли в этих двух областях. По Костромской губ. у меня вообще нет под рукою прямых указаний на присутствие бобров. Но нет никакого сомнения в том, что они там были распространены. В старинных описаниях России, напр., Фалка и Георги, говорится о том, что бобры водятся в лесных местностях по притокам Волги; по всей вероятности, здесь имелись ввиду также Уника и Ветлуга, которые со своими многочисленными притоками орошают восточную половину Костромской губ. К тому же как в Ярославской, так и в Костромской губ. имеются реки и деревни, названные по бобру: в первой — в уездах Ярославском и Моложемском, а во второй — почти во всех уездах ¹¹⁾.

⁸⁾ В прежнее время соболь встречался гораздо дальше на запад, чем в настоящее время. По словам Ф. П. Кенпен («О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России». Журн. Мин. Нар. Просв., 1902 г., июнь, стр. 333) «имеются сведения о давнем нахождении его в Олонецкой губ. и даже в Литве». Стоит отметить, что недалеко от села Дмитриевского Варн. у. по левому берегу р. Ветлуги есть озеро с характерным названием: Соболи. Помимо того, имеется также ряд селений с названиями, происходящими от соболя, а именно: с. Соболево в у. Буйском и Юрьевецком, д. Соболево — в Костромском, Ветлужском, Макарьевском, Юрьевецком, д. Соболи (при р. Ветлуге) в Варн. у.; д. Соболиха — в Кинеш. и Юрьевецком. См. «Список насел. мест по свед. 1870—72 г.». Небезинтересно также указать, что в Нерехте по писцовым книгам 1627 г. в числе варничных мест значились два варничных места с названием «Соболь», и третье: «Кобель, а Соболь тожь». См. М. Диев. История г. Нерехты, стр. 9—11. Рукон. хран. в архиве Костр. Научн. Об-ва.

⁹⁾ Указанная выше, в примеч. 8 м, статья, август, стр. 270.

¹⁰⁾ Там же, июнь, стр. 334.

¹¹⁾ Там же, июль, стр. 131. К этому надо еще добавить, что бобры водились во всех соседних с Костромскою губерниях. См. Кенпен, июль, стр. 349 и июль, стр. 130—132 и 134.

В подтверждение этого общего предположительного указания можно привести более определенные данные, указывающие, что бобр действительно существовал в прежнее время в Костромском крае. Таково прежде всего свидетельство Н. Аристова, отмечающего, что в древней Руси «куница и бобры встречались в Ярославской земле и в Костромских пределах»¹²⁾. Затем имеется указание на существование бобров в окрестностях Нерехты в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1424 г. По этой грамоте¹³⁾ княгиня София Витовтовна получила в ряду других имений также Нерехту «и с варницами и со княгининьским селом, и зъ бортники и зъ бобровники».

Мы точно не знаем, где именно находились упоминаемые здесь бобровые промыслы; но можно догадываться, что были они в самой непосредственной близости от Нерехты. М. Днев в своей рукописной «Истории города Нерехты»¹⁴⁾ говорит, что от бортеводства и ловли бобров, бывших когда-то в Нерехотском крае, «никаких следов не осталось, кроме названий, доселе уцелевших: Бортниково и Бобровец. Вторым именем называется ручей под селом Тетерицким от Нерехты на север в верстах четырех»¹⁵⁾.

Водились бобры и в других частях нынешней Костромской губ. Между прочим в «Выдержках из церк. прих. летописи Варнавинского уезда, Введенской церкви села Медведихи»¹⁶⁾ говорится, что «здесь в былое время много было и бобров (Боброво озеро) и медведей, так как Медведиха кругом стояла в лесу». Из «Экономических примечаний» к Ветлужскому уезду, составленных во второй половине XVIII ст., видно, что в генеральной даче № 49 (село Ивановское-Верховских) протекает речка Бобровка.

Весьма любопытный документ, упоминающий о бобровых гонах в районе реки Какши, в пределах нынешнего Ветлужского уезда, приводится С. Шумаковым в его «Обзоре грамот коллегии экономии»¹⁷⁾.

Из этого документа, кстати сказать, рисующего яркими штрихами картину монастырской и крестьянской колонизации черемисских земель

¹²⁾ Аристов (Н.). Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 5.

¹³⁾ См. «Дух и договорные грамоты князей великих и удельных», под ред. С. В. Бахрушина. М. 1909, стр. 26.

¹⁴⁾ Хранится в библиотеке Костромского Научного Общества, стр. 4.

¹⁵⁾ В статье «Охота на зверей и птиц в Костромской губ. по данным анкеты 1912 г.» (Лесная текущая статистика, вып. 5-й, стр. 7) нами ошибочно указаны бобровые гоны по реке Уводи, в Шеской волости. О них упоминается у Бахрушина (Указанное сочинение, стр. 583—584) и в «Актах, относ. до юридич. быта древней России» (изд. Археогр. комиссией, т. 1, 1857, стр. 129). Действительно, верховье р. Уводи находится в пределах Нерехтского у., но, как выяснилось, в названных источниках речь идет о гонах не в окрестностях Плеса, а в волости Шесцо-Увотское, Боголюбского стана, Володимирского уезда.

¹⁶⁾ Сделаны эти выдержки священником Иоан. Вилюнским в 1906 г., хранятся в архиве Костромского Научного Общества.

¹⁷⁾ Вып. IV. Кострома «съ товарищи» и Переславль Залесский. Изд. об-ва ист. и др. Росс. при Моск. ун. 1917, стр. 151.

на востоке Костромской губ. и представляющего собою челобитную от мая 169 (1661) г. Царевсаанчюрской луговой черемисы на Галицкого уезда Унежские осады Жив. Тронцы Унежского монастыря на игумена Пафнутия с братней и на других старцев, видно, что еще во второй половине 17 века в Поветлужьи (в области р. Какши) имелись бобровые гоны, которыми владели сначала черемисы, а затем потеснившие их монастырские крестьяне¹⁸⁾.

Несомненно, что и помимо названных районов (окрестность Нерехты, Поветлужье) бобры водились в прежнее время еще и в других местах Костромского края. Так, по крайней мере, можно думать, опираясь на названия селений по бобру, Таковы Бобры в Кинешемском и Юрьевоцком уу, Бобреха в Кинеш. у., Боброво в Буйском, Галичском и Маркаревском, Боброково в Нерехотском, Бобыршино в Костромском¹⁹⁾.

На основании изложенного можно утверждать, что бобры водились в разных концах Костромского края. Мы не знаем, когда именно они вывелись, но во второй половине 17-го века они еще существовали. Но, может быть, бобры существовали и позже. Не исключена наконец возможность, что где-нибудь в наиболее глухих местах края, в стороне от человеческого жилья, по маленьким, медленно текущим и легко запруживаемым речкам, поросшим лиственным лесом, и по сей час уцелели еще остатки этого интересного представителя вымирающей фауны. Ведь продержались же бобры, по данным Кеппена, до 20-х годов 19-го столетия в соседней Вятской губ., до 40-х годов в Нижегородской, до 50-х в Устьсысольском и Яренском уездах Вологодской губ.,

¹⁸⁾ . . . . «И въ прошломъ де во 166-м и во 168-м годѣх—говорится в этой челобитной — построили те старцы вновь пустыни за Ветлугою рѣкою по Царевсаанчюрскую сторону на реке на Какшѣ и на Нелидовкѣ отъ Ветлуги рѣки верстѣ за 30 и болши в ихъ черемискихъ въ ясачныхъ угожьяхъ и на ясачныхъ ихъ пустошахъ и крестьянскими дворами поселились и приписана де та пустыня къ Уажинскому монастырю вновь. И ихъ де Черемису въ техъ ихъ угожьяхъ бьютъ и увѣчат и всякое поруганье чинятъ и стрѣляютъ по нимъ изъ ружья и многую де черемису побили до смерти. И отъ техъ де старцовъ многія ясачные дворы у нихъ запусгѣли и врознь разошлись. И ныне де тѣ старцы Варлам и Гурей з бр. и со крестьяны въ ихъ Черемисскихъ ясачныхъ угожьяхъ . . . завладѣли рыбными ловлями и бобровыми гонами верстѣ на сту и болши. И ихъ де черемисѣ отъ обидъ и отъ налогъ жить стало не въ мочь и вел. г ря денежного ясаку и посопного хлеба и всякихъ оброковъ платить стало несчего».

¹⁹⁾ См. Список насел. мест. по свед. 1870—72 гг. Костромской губ. Следует отметить также, что наряду с костями и зубами лошади, медведя, маленьких хищных, кабана и лося, среди кухонных остатков при раскопках «городниц» находят также кости и зубы бобров, как это видно из статьи «Исследование Богородского городища Варнавинского у., произвед. чл. ком. А. П. Поливановым» (Костр. Стар. V, Кострома, 1901). «При рассмотрении многочисленных остатков разных животных—говорится там (стр. 291)—оказывается, что некоторых из тех животных давно уже нет в здешней местности, как, наир., речного бобра. В изобилии найдены остатки лося, который здесь появляется очень редко». См. также стр. 271, 282, 283.

а на Урале бобры попадались еще в 70-х годах²⁰). Наряду с этим лтоит отметить, что в самое недавнее время (в 1905 г.) обнаружен бобр, правда, в ограниченном числе, в такой безлесной и густо населенной губернии, как Воронежская²¹); сохранился же, наконец, бобр в значительных еще количествах в районе Полесья, представляющем, по словам Кеппена, хотя и последнее важное, но «пока безопасное убежище бобра в пределах Европейской России», где «при соблюдении строгих охранительных правил, можно предсказать с большою вероятностью еще довольно долгое существование тамошних бобров, несмотря на обширные работы по осушению Пинских болот»²²). Быть может, поэтому были бы не совсем бесплодны поиски бобров в наиболее глухих местах края. Даже если бы эти розыски не увенчались успехом, то все же, вероятно, они дали бы некоторые указания на места прежнего их обитания.

Исчезновение бобра в Костромском крае несомненно имело те же причины, что и в остальной части России. Вот что говорит по этому поведению Кеппен²³): «Текучая вода и чернолесье составляют важнейшее

²⁰) См. Кеппен, июль, стр. 349, 352, 353, июль, стр. 131—132. Особенно интересны указания на Нижегород. губ. «В Нижегород. губ.—говорит Кеппен (июль, стр. 131—132) — бобры продержались до 1840 гг., а именно, в так назыв. «Лыковщине», в Семеновском в. — в очень лесистой, болотистой и до сих пор почти необитаемой стране, прорезываемой р. Керженцем; здесь и теперь живут логги и даже северные олени. В этом диком уголке, в котором спасались раскольники от преследований, водились бобры еще в 1846 г., на границах Вятской и Казанской губ., в нескольких притоках Ветлуги. Это, повидимому, было последнее их убежище во всей центральной России». Когда Кеппен в 1876 г. посетил леса этого района, то о присутствии бобров не было уже никаких следов. См. также Д. А. Саламыков. Об охоте в Нижегородской губ. (Нижегородский сборник, изд. под ред. А. С. Галицкого, т. 5, 1875 г., стр. 303—304), где приводятся выдержки из «Нижегор. Губ. Вед.» 1846 и 1849 гг. с указанием, что, по рассказам охотников, в лесных пространствах Нижегородского Заволжья, в дубрах, где еще не раздавались удары топора, бобры сохранились будто бы до сих пор (до 40-х гг. 19 ст.).

²¹) В пределах Графского л-ва по берегу небольшой речки Ивницы, покрытому малодоступными для человека зарослями по топким местам. См. Е. И. Коренев. Бобры в Графском л-ве Лесопр. Вестн. 1905 г., № 10, а также проф. И. К. Тарнани. К охране природы. Бобр в Тамбовской губ. (Бюллетени Харьк. О ва любителей природы 1915 г., № 2, Харьков, 1915). В Тамбовской губернии Тарнани наблюдал бобров по р. Воронежу в его притокам: «Волотистые берега, поросшие камышом, тальником, ольхой и другой растительностью (ольха и друг.) с вывороченными краями дали приют бобрам» (стр. 62).

²²) Кеппен, июль, стр. 102. У него же, а также у Тарнани (стр. 59) указано, где еще в Европе и России сохранились бобры в настоящее время.

²³) Указ. статья, август, стр. 274. Условия местообитания бобров хорошо уясняются из выдержки, приводимой Кеппеном из Плеске (июль, стр. 342) и относящейся к Лаландии. Здесь «местом пребывания бобров были обыкновенно небольшие речки с медленным течением, которые легче могли быть запружены плотинами. Другим условием их существования является низкорослое чернолесье, которое им легче было срубить и употребить для постройки своих хат».

условие существования бобра, к чему третьим фактором присоединяется потребность в известном покое, дающая животному возможность беспрепятственно возводить свои удивительные постройки. Где эти условия нарушены или не имеются палицо в достаточной мере, там существование бобра является подверженным опасности. Изменение этих важнейших жизненных условий бобра причиняет главнейше непосредственное или косвенное вмешательство человека. Вследствие произведенного им в огромных размерах обезлесения и все более расширяющейся обработки бывшей под лесом почвы бобр покинул свои древние обиталища и, будучи все более тесним, исчез из наибольшей части своей первоначальной области распространения. К этому присоединилось еще прямое преследование бобра со стороны многочисленных охотников, домогавшихся его дорогого меха и когда-то еще более ценной струны... Не климатические или какие-либо другие независимые от человека условия вызвали уничтожение бобра, а виноват в этом один человек, который, побужденный своею корыстью, преследовал драгоценного грызуна до его последних убежищ, из которых выгонял его, или же вырубанием леса уничтожал условия, необходимые для жизни бобра».

Некоторые сведения о том, какие звери водились в крае, имеются для второй половины XVIII в. Сведения этого рода содержатся, напр., в печатных «Топографических известиях, служащих для полного географического описания России» (изд. в С.-Петербурге при Акад. Наук в 1771 г., см. тома первого часть первую). Там упомянуты волки, лисицы, зайцы, белки, медведи, куницы. По Костромскому уезду в «Известиях» названы также «мелкие горностан» (стр. 317)²³.

Вообще в те времена в Костромском уезде зверей было довольно не только в глухих местах, но и под самой Костромой. Из рукописного «Описания к ген. плану города Костромы и его уезда... с объяснением и экономическим примечанием» видно, что в лесу на «градской выгонной земле того города (Костромы) купечества и мещанства» (пывешняя городская, «посадская» лесная дача, в которой тогда числилось лесу (дровяного) 1698 дес.) водились не только волки, зайцы, лисицы и белки, но также медведи²⁴.

Мы уже делали ссылку на «Описание Костр. нам-ва, сост. в 1792 г.»²⁵. «Из зверей—говорится там—водятся волки, кои наипаче зимою в деревнях причиняют скотине много вреда; рыжего цвета ли-

²³) Для интересующихся приводим дословно выдержки из «Известий». Там говорится, что в Луковском у. «звери водятся волки, лисицы, зайцы, белки» (стр. 159), в Киешемском—«более водятся зайцы и волки» (стр. 312), в Судиславском—«медведи, волки, лисицы, зайцы и белки» (стр. 323), в Кадыковском у. «по лесам зверей бывает немного, а именно: медведи, волки, лисицы, куницы, зайцы и белки» (стр. 333). По Костромскому у. из «зверей больше водятся медведи, волки, куницы, лисицы, зайцы, белки и мелкие горностан».

²⁴) Из птиц—ястребы кетати—в этой даче водились тетерева, рябчики, куропатки и «прочих мелких родов».

²⁵) «Костр. Губ. Вед.», 1859 г., № 17, стр. 156.

сны, кои в северных и восточных лесах нередко попадают, и темно-бурыс ²⁶⁾, зайцы, белки или векши, выхухоли или гоголи. В лесистых северных и восточных странах находится много медведей, но большей части бурых, а редко черных, рысей и росомахов, делающих не малый вред рогатому скоту; в сих же местах попадают барсуки или язвцы, кабаны и олени».

По одному из уездов Костр. губ.—по Ветлужскому—нами разработаны данные так назыв. «Экономических примечаний» к генеральному межеванию ²⁷⁾. Необходимо отметить, что вообще «Примечания» делались весьма трафаретно, по такому, примерно шаблону в отношении фауны: «звери—волки, лисицы, зайцы, белки и горностаи; птицы—тетеревы, рябчики, куропатки, дрозды, скворцы, соловьи, чижь, щеглы, синицы, зяблицы и прочих мелких родов». Но кое-что интересное можно найти и в этих трафаретах.

Из просмотра описаний по каждой даче в отдельности видно, что в Ветлужск. у. помимо волков, лисц, зайцев и белок во второй половине XVIII в. часто встречались медведи, куницы, горностаи. Рысь упомянута дважды: в дачах № 155 (села Архангельское и Рождественское Суворова) и № 64 (Общий поверстный лес—85606 дес. лесу.) В последней же даче (№ 64) указана и *россомаха*. Обе эти дачи расположены по левому берегу р. Ветлуги. Довольно часто упоминаются олени ²⁸⁾. Можно отметить кстати, что в даче № 78, лежащей по правому берегу Ветлуги и по р. Нее, названа речка *Буриндуиша*—очевидно, по буриндуку.

Некоторые сведения о зверях, водившихся в Костр. крае, можно почерпнуть также из дела канц. губ-ра по архиву № 1872 г. с заголовком: „Дело по сообщ. госуд. коммерц. коллегии о доставлении сведения о всех произрастениях земных самородных и диких и о протчем (ноября 26 дня, 1801 г., № 390, на 138 листах)“. Группируя имеющиеся в этом деле сведения из 10 уездов (Ветлуж., Макар., Кинеш., Галич., Солиг., Костр., Нерех., Чухл., Вари. и Кологр.), получаем след. картину распространения зверей в Костр. крае: волки, лисицы, белки (векши) и зайцы водились во всех 10 уездах, причем в Костр. уезде лисицы и волки бывали только набегом. Медведи указаны во всех уездах кроме Костромского. Куницы названы лишь в 5 уездах: Ветл., Мак., Кинеш., Вари. и Кологр.; барсук—в Нерехотском, выдры—в Ветл., Мак.,

²⁶⁾ Лисицы этого рода встречались еще в 70-х гг. 19 ст. Описывая свою поездку в Нижегород. край в 1876 г., Кеппен отмечает, что по словам лесопромышленника села Воскресенского Куликова «на Ветлуге попадаются чернобурые лисицы и рыси; последние из Лыковщины почти совершенно исчезли» (Кеппен, июль, стр. 131—132).

²⁷⁾ «Ветлуга. Алфавит дач и владельцев, экономическое примечание и дополнение к нему».

²⁸⁾ Олени указаны в генер. дачах №№ 40, 62—64, 68, 72, 78, 79, 96, 118, 119, 121, 122, 124, 125, 131, 132, 134, 135, 150, 155, 158, 159, 164, 165, 167—170.

Галич., Нерех. и Кологр.; норка—в Мак., Нерех. и Кологр.; рыси—в Мак. и Кинеш.; горностап—в Мак., Кинеш., Галич. и Нерех.; лоси—только в Ветлуж. у.; россомаха—в Ветл. и Мак.; олени—в Варн., Ветл. и Мак.

Необходимо отметить, что упоминаемые здесь олень и лось, видимо, водятся в пределах Костромского края с очень давних пор. Мы уже указывали, что при раскопках Богородского городища в Варнавинском уезде в кухонных остатках, принадлежащих древним обитателям края, в изобилии были найдены остатки лоси. Есть и другие свидетельства. Так, напр., упоминание о лосе и олене можно найти в житии преподобного Макария. Там рассказывается, что когда Макарий и его спутники, с которыми он удалился в 1439 г. из разоренной Желтоводской обители в соседнюю Галичскую область (в г. Унжу он прибыл в начале июля 1439 г.), шли пустынным, до того непроходимым, путем вверх по течению Волги и Унжи и были томимы «великимъ гладомъ», им встретился лось («обрѣтоша оубо народи на мѣстѣ нѣкоемъ пустѣ животно от дивяго скота глаголема лося»). Поймав лося, они хотели заколоть и съесть его, но Макарий запретил им делать это, так как был пост, и велел отпустить зверя. Но в день св. Петра и Павла тот же самый лось по молитвам преподобного—как повествует «Житие»—явился перед путниками и тогда же был ими заколот и употреблен в пищу... «И потом—говорит «Житие»—идуще пароды путемъ, по вся дни обрѣтаху живо няя, овогда убо лося, овогда же оленя... и тако допдоша... града Оунжа не падше»²⁹⁾. Таким образом, согласно этому источнику лоси и олени водились в побережья Унжи в половине XV ст.

На прежнее существование оленей и лосей в Костр. крае указывают также и названия селений: починок Оленево на р. Нельше в Кологрив. у., д. Оленино в Юрьевецком у., д. Олешково при р. Олешке в Галичском у. и в том же уезде, при той же речке, с Троица-Олешь; д. Лосенки при р. Ширмакше в Макарьев. у. и села Лосево в Солиг. и Нерех. у.у.³⁰⁾.

В половине 19 ст. лоси появляются в крае, видимо, в большом количестве. По указанию Крживоблицкого³¹⁾, в лесах Костр. губ. водились в то время «медведи, лоси, олени, волки, лисцы, зайцы, белки и в меньшем числе: куницы, барсуки, выдры, норки, горностап, а иногда попадаются и рыси».

²⁹⁾ См. д.д. 53—57 рукоп. «Жития преп. отца Макария Желтоводского и Увженского Чудотворца», писанного полууставом и вывезенного из ус. Пероново. На нем пометка о принадлежности его Воину Потапьевичу Черевину «а подписал внук его Яков Федорович сын Черевин своєю рукою лѣта 7205 (1697) году февраля в 28 день»; хран. в Арх. Костр. Муз. О5-ва (№ 178). См. также «Летопись Макариева-Увжен. м-ри Костр. епархии», вып. 1-й. Составил член Костр. Уч. Арх. Ком. И. Херсонский». Кострома, 1888. стр. 2.

³⁰⁾ См. Список насел. мест по свед. 1870—72 гг.

³¹⁾ Материалы для геогр. и ст-ки России, собр. офицерами ген. штаба. Костромская губ., 1861 г., стр. 276.

Отмечая наличие лосей и оленей, Крживоблицкий вместе с тем указал (стр. 276—277) район, где они водятся. «Лоси и олени обыкновенно водятся в местах лесистых и болотистых, близ рек и ручьев. Эти животные находятся преимущественно в Варнав. и Макарьев. у.у., как изобилующих густыми хвойными лесами, болотами, реками и ручьями. От города Макарьева к границе Варн. у. тянется широкая полоса леса через приходы Тимошинский, Лопшанский и Шудской, на полторасто верст в длину, состоящая почти из сплошных хвойных боров, густых высоких ельников, березников и болот. Здесь-то по рекам Томше, Торзати, Луху и Лопшанге водятся в огромном числе лоси и олени». В другом месте (стр. 270) Крживоблицкий говорит, что олени живут большей частью стадами по болотам.

Как много водилось тогда оленей в Костр. губ., об этом свидетельствует уже не раз цитированный нами Саламыков. «Теперь—говорит он (стр. 306)—заволжские лесные болота посещаются оленями более временно, так что по р. Керженце и в Ветлужском крае он попадается очень редко. В примыкающих к этим местам уездах *Костромской* и *Вятской* губ., по всей вероятности, олень держится еще в значительном количестве; так, в 1868 г. поездка туда охотника нижегородца вознаграждалась добычей 12 или 14 оленей, из которых я лично имел случай видеть 8 (убитых)».

Массовое появление лосей в пределах Костр. губ. очевидно, связано с его перекочевкой с севера. По рассказам старых охотников, лет 60 назад олень в Костр. губ. водился в большом количестве, но с появлением лосей откочевал в другие места: любопытно отметить также, примерно в то же время, появление лосей в Нижегородской губ. и даже много южнее³²⁾.

Это передвижение лосей на юг имело, видимо, повсеместный характер. По словам Кеннена,³³⁾ «лось, начиная с 1850-х гг., в течение

---

³²⁾ «Что касается лосей—читаем у Д. А. Саламыкова (стр. 303 304)—то действительно прежде это был крайне редкий гость в нагорной стороне губернии. В 30 х гг. Нижегород. губ. еще изобиловала зверьями; имела отчасти оленей по крайним северным уездам и как редкость,—лосей. Продолжение же последних 15 лет лось, составлявший прежде редкость, сделался самым обыкновенным явлением по всей губернии. Лоси в Нижегород. губ., держались прежде единственно в Заволжской части Макарьев. у. в лесах и болотах по реке Ветлуге и ее притокам и в смежной местности Семеновского уезда по р. Керженце; в прочих же уездах, хотя и лесных... о них не было и слуху... Теперь нет ни одного, более или менее лесного уголка в губернии, где бы лось не заявил о своем существовании»...

«Причину появления зверя (лосей) на правом берегу Нижегород. губ.—добавляет Саламыков (стр. 305)—я вижу в вырубке и разработке лесов. Не берусь указать время, с которого началось это безобразное истребление пограничных нам Костромских и Вятских лесов, но, по всей вероятности, с ним совпадает период увеличения числа лосей в Нижегород. губ.; усиленное истребление наших лесов в заволжском крае—на Ветлуге и Керженце и в других дачах служит причиной дальнейших передвижений зверя к югу».

³³⁾ Указ статья, выше, стр. 332. Интересные данные, посвященные прежнему расселению лосей, находим, м. пр. в статье В. А. Варенцова. Некоторые сведения

столетия перекочевал в южном направлении в такие губернии (напр., Саратовскую), в которых он был давно истреблен».

Сохранились олени в Костромском крае и в позднейшее время. Так, упоминание об оленях наряду с лосями находим у Пирогова ³⁴).

В анкетах об охоте 1912 г. указывается, что в Великовскую волость Солигаличского уезда, а по другому сообщению также и в окрестности Буя, нередко по зимам забегает из Вологодской губ. северный олень. Что северный олень попадает в Костр. губ., это представляется бесспорным; но водится ли здесь наряду с северным также благородный олень—вопрос этот пока остается невыясненным. Любопытно отметить, что в материалах той же анкеты 1912 г. в сообщениях из Заречной вол. Ветлужского у. и Лапшангской Варнавинского определенно указывается благородный олень ³⁵). Так-ли оно есть в действительности—трудно сказать; во всяком случае возможность эта далеко не исключается. Вот что пишет, напр., проф. Мензбир в статье о благородном олене в известном издании Кнебеля. «Жизнь животных в фотографиях с природы» (общедоступная зоология, составил Чарльз Д. Корниш. Перев. под ред. проф. М. А. Мензбира, т. I. Москва, стр. 276). «Вопрос о распространении у нас благородного оленя—говорит он—весьма запутан. Принадлежит западной и центральной Европе, он проникает отсюда и к нам, встречаясь в довольно большом количестве в Привислинских губерниях,

---

о фауне позвоночных Переславского уезда (Доклады Переславль-Залесского Научно-просвет. Об-ва № 7, 1819). «Очень любопытно-говорится там—история прежнего расселения лосей и их странствования. Еще во времена Грозного во время его похода на Казань, в пределах нынешней Влад. губ., их было так много, что они «яко самозванни на заколение прихождаху», по словам «Царственной книги». По свидетельству Флетчера, около того же времени, из России шкуры лосей вывозились тысячами, и самые большие лоси встречались под Ростовым-Ярославским. В дальнейшем сильное истребление лосей было в XVIII ст., вследствие большого спроса на лосиные шкуры, шедшие на обмундирование войск. В начале XIX в. лось вовсе исчезает из средней России и только единично попадает в северных уездах Тверской и Костр. губ. Однако этот факт нельзя объяснить только усиленным преследованием зверя: причины переселения его к северу, вероятно, лежат глубже. В 50 х г.г. прошлого столетия вследствие невыясненных причин лоси снова стали переселяться к югу (как и северные олени) и постепенно занимать область своего прежнего распространения. Население принимало их сперва за зубров или медведей с рогами, но потом дело объяснилось. Лосей снова стало много в нашей местности, и снова они стали усиленно преследоваться, гл. обр., из-за мяса» (стр. 6).

³⁴) Материалы для ст-ки Костр. губ. Изд. Костр. Губ. Ст. К-та. Вып. 3-й. Кострома 1875 г., стр. 62. По свед. Пирогова в Костр. губ. водились белка, заяц, медведь, лисица, куница, волк, олень, лось, рысь, норка, выдра, горностай, хорек, выхухоль, бурундук и барсук.

³⁵) Евг. Дюбюк. Охота на зверей и птиц в Костр. губ. по данным анкеты 1912 г. Лесная текущая ст-ка. Вып. 5-й. Изд. оп. ст. отд. Костр. Губ. Зем. Уп-вы. 1913 г. стр. 6. Из анкеты я. пр. видно, что количество зверя сильно сокращается, в частности оленей и лосей. «За истреблением лесов лоси, олени и лани стали очень редкими»—читаем в сообщ. из Заречной вол. Ветл. у. (стр. 8)

особенно во владениях Ловичского княжества, собственности царствующего императора, в Варшавской губ., и в Беловежской пуще. Но прежде благородный олень шел гораздо далее на восток и юг, т. к. несомненно водился в центральной России и доходил на ю.-в. до реки Урала. *Быть может, он даже и теперь еще встречается в Нижегородской, Костромской и Вологодской губ., но окончательно доказанным этого пока нельзя считать; несомненно только одно, что благородный олень жил в центр. и южной России в историческое время и местами, вероятно, сохранился здесь до XIX ст. включительно.* ³⁶⁾ (Курсив наш).

Сопоставляя перечни видов зверей, водившихся в конце XVIII в., в 50-х г.г. 19 стол. (Крживоблоцкий), 70-х г.г. (Пырогов) и в 10-х г.г. 20 ст. (анкета 1912 г.), необходимо прийти к выводу об исчезновении росомахи и кабана. Несомненно также, что в большинстве случаев общее количество остальных зверей сильно сократилось. Следует отметить также, что в более ранних перечнях бурндук не указывался.

При изобилии зверя в лавные времена зверовая охота, производимая как промысел, а также и любительская, должны были получить более или менее широкое распространение в пределах Костр. края. Так оно и было в действительности.

Прежде всего несомненно, что в самых широких размерах звероловством занимались первобытные обитатели нашего края—наши предки меряне, м. пр., выменивавшие продукты своего промысла—зверинные кожи—на разные восточные изделия в Булгарском царстве на Волге ³⁷⁾.

³⁶⁾ Варенцов (Указ. статья, стр. 6) также допускает возможность прежнего существования благородного оленя в Переславском крае: «Из семейства оленей—говорит он—у нас встречается в настоящее время только лось. В прежнее время, м. б., к нам заходили северные олени и возможно водились также благородный олень и дикая коза». Кстати отметим, что по данным цитированной «Жизни животных» Корниша (стр. 291) европейская козуля «на материке распространена от южной Швеции и с Ладожского озера на севере через среднюю и отчасти южную Россию.... В России европейская козуля не идет на восток далее Уральского хребта».

³⁷⁾ «В X в.—говорит П. Б. Каревич (О раскопках древних курганов в Костр. губ. Публичная лекция, читанная в зале Костр. двор. собрания 22 дек. 1896 г., стр. 7—2)—в Казанской губернии было могучее царство Булгарское, столицей его служил город Булгар или Великий Болгар, находившийся в нынешнем Спасском уезде и отстоявший в 125 вв. от г. Казани, в 6 верстах от р. Волги... Булгарское царство в то время находилось в цветущем состоянии и представляло собою всемирный рынок, на который стекались для обмена и торговли народы всех стран: арабы и персы везли свои серебряные и стеклянные фабрикаты, Греция и Византия—крестики, образки, позументы и дорогие ткани, Запад доставляя янтарь, сердолик и пр. —Путь к Болгарам был превосходный, и вот наши меряне-звероловы являлись на всемирный рынок. Здесь глазам полунижнего народа представлялись всевозможные украшения и подделки. Понятно, что они тут-то и приобретали крестики, галуны, бусы, позументы и различные вычурные украшения... Волжские болгары получали от Финских племен и вообще от обитателей Севера зверинные кожи и некоторые древесные породы, на которые променивали восточные изделия, получаемые от арабов».

Занимались тем же звероловным промыслом и охотою русские сельники. Существовала в частности княжеская охота. Мы уже отмечали, что еще Галичские князья охотились в окрестностях Туровского. На существование княжеской охоты в XIII в. указывает, м. пр., сказание о явлении Феодоровской иконы под Костромою 16 августа 1239 г. «во дни благоверного и великаго князя Василя Георгиевича Костромскаго и Галичскаго, рекомаго Квашня»...

«И обычай имѣяше—говорится там—благоверный и великий князь Василий Георгиевичъ *на поле со пси ловчими ѣздити* и во един убо отъ дней преди реченный князь *похва на поле со пси, якоже есть обычай княземъ веселитися*, и яко быти ему внѣ города, *поприще едино въ чащу леса и начаша пси гонити и лаяти притужно*; абие же и благоверный великий Князь Василий Георгиевичъ гонить необычно и чаеть себѣ нѣкакого звѣря видѣти... зрит... образъ пречудесный... на соснове древе стояще... и скоро съ коня своего слѣзе и представъ предъ образомъ... и помышляя въ себѣ... како явися образъ сей чудотворный на мѣстѣ семъ пустѣ ниже бо слышахомъ отъ человекъ живущихъ zde, но *весьма пусто*»³⁸).

Т. обр., в сказании перед нами элементы охотничьей картины. Князь выезжает на охоту в окрестности Костромы, видимо, в район речки Запрудни³⁹),—в место, которое «Сказание» (сбр. 257) называет «внутренней пустыней»—на коне с ловчими псами в чаще леса гонит некакого зверя, причем «Сказание» указывает на «обычай княземъ веселитися» охотою.

Наряду с охотою—забавой, которой тешились князья и бояре, существовали звериные промыслы,—как средство существования, а также как форма натуральной повинности.

В рукописном житии преп. Варнавы Ветлужского⁴⁰) говорится м. пр. о запустении Ветлужского края после нашествия Батгя: «Запустѣ отъ пленения того поганскаго Батгя царя и сѧ страна... по берегу ре-

³⁸) Курсив наш. См. Свящ. В. А. Соколов. Описание и критич. разбор рукописей, содержащихся в 6-ке Костр. уч. арх. ком. и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодор. иконы Божией Матери Костр. Старина. Сб-к изд. Костр. уч. арх. ком. Вып. 5. 1901, стр. 243—244. Сказание носит название: «Слово о чудесах и явлении Пресв. Владычицы нашей Б-цы честнаго и славнаго ея чудотв. образа нарицаемаго Феодоровскія». Кто был князь, нашедший икону: Василий Ярославович Костромской или какой-либо иной Василий и когда это было, в 1239 или в 1272—76 гг. (см. стр. 251)—это сейчас нас не занимает.

³⁹) «Достоверно то, что место, занимаемое м-рем (Спасо Запрудненским) ранее было покрыто диким лесом, куда костромские князья имели обыкновение выезжать с своими боярами на охоту. В повести о явлении Пресв. Б-цы Одигитрии, нарицаемые Феодоровские, иже на Костроме, сказано, что в одну из таких охот князь Василий Ярославович Квашня (брат св. благов. в. кн. Александра Яросл. Невского) увидел на дереве сияющий образ Божией Матери»... (Заметки о Спасо-Запрудненском м-ре члена арх. ком. Ф. Ораевского, стр. 9 Журн. Зас. Костр. губ. уч. арх. ком. 26 авг. 1894).

⁴⁰) Житие это помещено в выдержках И. К. Херсонским в «Костр. Старине», вып. I-й. Кострома. 1890 г. стр. 9.

ки, зовомыя Ветлуги, и бысть пуста 253 лѣта и гдѣ было жилище челоуѣкамъ, порастѣ вездѣ великими лѣсами и названа бысть ветлужская пустыня и никимъ проходима, токмо *немногими людьми, приходящими лова ради зверинаго из пределов города Унжи*. (Курсив наш).⁴¹⁾

В сказаніи о явлении чудотв. образа Божией Матери в 1628 г. в Кологр. у. в пригородке Кадые в Куской вол. Титу Гаврилову, м. пр., упоминается житель дер. Доронина некий «богобоязливый» муж именем Иакинф: «баше бо мужъ той ловець зверей и птицъ». В Чухломском уезде на границе с Солигаличским у. близъ дер. Овсяниковой на берегу р. Сундобы на мысу находится местность «Городище» с рядом валов и остатками укрепления. «Около этой местности есть поляны с признаками жилья под назв. «Панщина», где жили какле-то панки, занимавшіеся *звероловством и рыболовством*» (Костр. Старина, вып. I-й. Древности Костр. края, стр. 118).

Для ловли бобров, шкуры которых очень ценились, существовали особые *княжескіе бобровники*, обязанные доставлять определенный оброк мехами в княжескую казну.

Таковыми были, вероятно, бобровники, упоминаемые в окрестностях Нерехты в XV в. Мы упоминали также о черемисских бобровых гонах в бассейне реки Какши в XVII в. Как устанавливает С. В. Бахрушин, главным занятіем бобровников было сельское хозяйство, обработка земли, но за занимаемые ими земли они обязаны были отправлять особую натуральную повинность—охоту на бобров. Т. обр., бобровый промысел был побочным, что однако не мешало тому, что «на бобров... производилась ожесточенная охота со стороны княжеских охотников» и что «производилось систематическое их истребление, которое и привело очень скоро к полному их исчезновению»⁴²⁾.

В аналогичных условиях, видимо, существовал и оброк кунными мехами. «Когда Евсей Новоторжанин переселился в вотчину вел. князя в Кострому (1362—1374), то вел. князь дал ему жалованную грамоту, которою освободил его от всех даней, исключая оброка по 5 кунц на год и приказал его блюсти дяде своему Василию тысяцкому»⁴³⁾.

⁴¹⁾ Напомним, что поселение Варнавы на Красной Горе (нынешний Варнавин) относится к началу XV века (1417 г.).

⁴²⁾ «Для охоты на бобров—говорит Бахрушин (Указ. статья, стр. 582)—у князей были специальные бобровники. Как и бортники, бобровники первоначально были, по б. ч. люди не свободные, но в XV в. они жили на княжеской земле в пожалованных им «бобровых деревнях». Они точно также селились и работали по одиночке, семьями—отец с сыновьями, дед с внуками или очень небольшими группами, вдвоем—втроем... Сами бобровники жили отнюдь не охотою, а сельским хозяйством. Ловля бобров для бобровником, как для бортников эксплуатация княжеских угодий,—первым делом княжеская служба, которой они заслуживали право на занимаемые ими земли и угодья, форма натуральной повинности за пользование княжеской землей».

⁴³⁾ Аристов. Промышленность древней Руси. Спб. 1866 г. стр. 12.

В такой форме побочного промысла, производившегося ~~в лесных селениях~~ с основным занятием—сельским хозяйством ~~звероловства~~ была широко распространена в лесных селениях ~~восточной~~ ~~русской~~ ~~земли~~ в связи с звероловством стояла и торговля пушным зверем; мы ~~знаем~~ ~~нашли~~, что в XVI в. Галичское княжество славилось рысицей, ~~белыми~~ ~~и~~ ~~белыми~~ мехами.

Весьма вероятно, что в это время, а также и в 17 столетии промысловая охота достигала наибольшего развития ⁴⁴). Но еще в XVIII в. Галич вел обширную торговлю с Москвой, Петербургом и Архангельском, гл. обр. *пушным товаром*, замшей и опойкой ⁴⁵); в конце XVIII в. промысловая охота в Костр. крае уже была распространена сравнительно мало, как об этом можно судить по данным «Дела № 1872».

Данные этого источника—ответы местных учреждений, гл. обр. земских судов на запрос центрального правительства, требовавшего присылки сведений: «о зверях диких всякого рода и звания, в каком состоянии находится ловля оных и какими способами промышленники торг. сям производят».

Как и следовало ожидать, города (Усолье, т. е. и Б. Соли, Нерехта, Плес, Соль—Галичская, Галич) на запрос этот ответили отрицательно; общий смысл их ответов таков: градские жители как ловлей зверей не занимаются, так равно и промысла и торгою оными не имеют. «На Макарьевской городской земле—было отвечено в декабре 1800 г. из г. Макарьева—звери бывают пабегом из чужих лесов, весьма малое число и только что зайцы и белки, по которой оных малости и по имению из граждан охотников и ловли оных не имеется».

В таком же роде ответы и из некоторых, уездов, напр. из Юрьевецкого, откуда сообщили кратко, что «ловли диких зверей не производится». Кинеш. зем. суд известил (24 янв. 1801), что «ловля зверей находится в малом количестве и продаются сих животных кожи одними теми только людьми, кто имеет охоту к ловле их». «Но как промышленников и охотников находится мало—читаем в сообщ. Макарь. зем. суда (25 янв. 1801)—то и ловля оных (диких зверей) состоит в небольшом количестве» Точно также в Кологр. и Варш. уу. «ловля диких зверей разного звания и роду... в малом количестве бывает».

Г. обр., судя по приведенным данным, звериный промысел даже в лесных уездах был, видимо, развит очень мало, за исключением разве Галич. у. где жители «зверей довольноное количество ловят».

⁴⁴) Костомаров, между прочим, указывает, что «в начале XVI в. вся Россия была наполнена безчисленным множеством зверя, но в половине XVII в., в Европ. России промыслы пушных зверей унадали, а в конце XVII в. чувствовался недостаток мехов уже в самой Сибири. Впрочем XVI и XVII вв. были времена высшего значения меховой торговли» (Собр. соч. Историч. моногр. и послед., кн. 8-я, т. XX, изд. Лигер. Фонда, 1905 г. «Очерк торг. Московского госуд. XVI и XVII ст.», стр. 393).

⁴⁵) Торг. и Пром. Евр. России по районам. Вып. II, стр. 314. изд. М-ва т. и пр.

Очевидно, к концу XVIII и началу XIX в. в. разного рода сторонние промыслы (напр., стронительный отход) заслонили перед населением значение охоты, отодвинув ее, как промысел, на задний план. В большинстве местностей занимались ею сравнительно немногие представители населения. Сказанное не относится, впрочем, к помещичьим усадьбам, где, как увидим далее, наоборот охота (как забава, как любительское дело) в XVIII в. процветала.

В некоторых рапортах «Дела № 1872» указаны способы лова зверей. Наряду с ружейной охотой и травлей собаками указываются способы лова помощью самодействующих аппаратов. Так, напр., по сообщ. из Нерехтской округи, зверям «ловля бывает свойственными для каждого рода способами, как-то тенятами, собаками и застрелением из ружей». В Кологр. у. промысел производился «стрелянием из ружей, как капканами клепцами, пастями и колодцами». В Галичском у. ловили зверей клепцами и тенетами и убивали ружьями. В Чухл. у. «ловля бывает лисиц, зайцев и волков тенетами, а медведей и белок бьют из ружей». В Ветлуж. у. зайцев ловили тенетами, а медведей, волков, выдр, росомах, куниц, лисиц, оленей, лосей и белок били из ружей. Ловля зверей тенетами и ружейная охота на белку отмечена в сообщ. из Костр. округи. Наконец, в Макарьевской округе «медведей, росомах, оленей, белок и куниц убивают из одних ружей, а выдр, рысей, цорок, горностаев травят собаками; и тех и других бьют иногда также из ружей».

Результаты охоты (добыча) частью шли в продажу, частью на собственное потребление. Напр., в Нерехотском у. одни промышленники «продают оные (результаты охоты) в городах на ярманках, а другие употребляют для домашних своих надобностей». В ряде случаев продажа эта производилась «разного звания людям на местах» (Ветлуж. у.). В Варнав. у. продавали «приезжающим из соседствующих округ покупателям при домах своих и на случающихся в здешней округе торгах». Точно также в Кологр. у. продавали «по домам, а иногда и по ярманкам в сей же губернии разным людям». В Чухл. у. для продажи добычу привозили в г. Чухлому. В Макарьевской округе продажа производилась на наличные деньги на ярманках в г. Макарьево. В Галичском у. продавали результаты охоты частью приезжающим в дома промышленников Галичским купцам и мещанам, а иногда привозились в Галич.

Если вообще в конце XVIII в. охота была распространена в Костр. крае сравнительно слабо, то нельзя сказать того же в частности о помещичьих усадьбах. В XVIII в. и первой половине XIX в., с прогрессирующим, начиная со второй половины XVIII в., оседанием помещичьего класса в деревнях, с развитием так называемой усадебной культуры — охота превращается в явление широко распространенное в барских усадьбах.

Еще для начала XVIII в. есть указание на занятие охотой в барских усадьбах. В так назыв. «Книжке домового великому заводу капитана Григория Войцова сына Черевина», датированной 1720 г. и относящейся

к известному солигаличскому племени Черевиных — Неронову, в числе разного рода движимости, рядом с 9 сетями рыбной снасти и птичьими садками, упоминаются рогатины и тенета заячьи ⁴⁶⁾.

Днев рассказывает, что, когда в XVIII в. — в царствование Елизаветы — известный временщик Бирон, возвращенный из Сибири, проживал в Ярославле, то «два сына его около Перехты веселились псовой охотой, иногда по неделе останавливались для сего в селе Есинове у тамошних помещиков — потомков Янова» ⁴⁷⁾.

В уже цитированном «Деле № 1872» в сообщении из Костромской округи указывается, что «ловят зверей помещики посредством гончих и борзовых, также тенятами». Данные частных архивов показывают также, что в течение XVIII в. в усадьбах существовала охота и ею увлекались.

В первой четверти XIX в. в некоторых районах Костр. края охота и в особенности охота псовая была развита чрезвычайно сильно. Вот что говорит по этому поводу, описывая дворянский быт Солигаличской и Чухломской округ в 10-ые и 20-е годы XIX ст., костромич — мемуарист, сам помещик Н. Макаров ⁴⁸⁾. Он указывает, что «главная дворянская потребность... состояла тогда в псовой охоте. Не было почти такого мелко-поместного дворянина, который не держал бы хоть нескольких борзых собак. О многодушных и говорить нечего. Помещик со ста душами держал от 50 до 100 борзых и гончих, со стремянными и доезжачим. А несколько сот душевые имели огромнейшие псарни, так что средним числом на каждые 3 ревизских души у псоводов приходилось по две собаки».

Также развита была псовая охота и в других районах губернии, напр., в Перехотском и Костромском уездах.

Распространены были и другие виды охоты в помещичьих усадьбах. Били зверя из ружья, ходили на медведя с рогатиной.

В статье «Житье — бытие на Кореге. Записки Гульпинской Авдотьи Степановны», датированных 1854 г. и рисующих яркими штрихами чрезвычайно своеобразную жизнь мелких дворянских усадеб глухой лесной Корежской волости Буйского уезда, м. пр., говорится ⁴⁹⁾, что «между

---

⁴⁶⁾ Б. м., не лишне привести перечень военных доспехов, значащихся в этой книге... «да в сбнях передних ружья, шесть коней здревками, шесть бердышей, три сабли, шпага, три лука съ тетивами, двой дубья садашных, колчан (с) стрелами, рог жестяной, двѣ дубинки моржовых, четыре точеных, кленовые; три ольстры шестолѣтных... в других сбнях против горенки: три пушки чугунных на станках железных, четыре рогатины, потсопок пищальной, станок пушешной деревянной, мѣрка и пыжовник и набойник, два вити(ь)ника, ящик с пищальною рухлядью, над сбнями в чердакѣ рыбной снасти 9 сбтей, тенять заячьих саженых 22 крюка, несаженых 10 крюков, птячьих садковъ 10, два бабабана, два святца желѣзных, четыре чючела»...

⁴⁷⁾ М. Днев. Город Перехта в XVIII в. первой четверти XIX в. стр. 76.

⁴⁸⁾ «Мои семидесятилетние воспоминания». ч. 1-я. СПб. 1881 г., стр. 8.

⁴⁹⁾ Рус. Вестник 1857 г. т. 7, стр. 314. Корежская вол. как раз один из районов, где густо жили мелкие дворяне, о к-рых Крживоблоцкий (стр. 191) м. пр.

барями бывают записные охотники, которые ходят на медведей с ружьем и рогатинами». В некоторых имениях для ружейной охоты держали особых егерей. Так, в Черевинской усадьбе Перонове в первой половине XIX в. среди многочисленной крепостной дворни имелся, как это видно из описи дворовых людей, м. пр., вольнонаемный егерь⁵⁰⁾.

Из одного рукописного документа, относящегося к той же усадьбе Перонову и датированой 1845 г. видно, что велась самая точная регистрация отстрела—в особой книжке отмечалось, сколько кому из охотников выдано пороху, пистонов и дрови и сколько каждому убито зверя медведей, лисиц, зайцев, а также дичи полевой и болотной⁵¹⁾.

Не надо думать, что охота в помещичьих усадьбах имела исключительно характер забавы или утех. За ней стояло и известное хозяйственное значение. Мясо, добываемое охотой, разнообразило стол, а шкуры шли на одежду. Рисуя преобладающее—натуральной уклад жизни в помещичьих имениях Костр. края в XVIII в. и даже еще в первой половине XIX в., А. Н. Куломзин в предисловии к «Архиву с-ца Зиновьева (акты и письма)»⁵²⁾ отмечает, что «охота доставляла заячьи шкуры для теплых домашних халатов и для женских душегреек». Но не одни заячьи шкуры шли в дело, не брезговали и самой зайчиной (мясом), как это видно, напр., из письма 1746 г. к помещику плеского стана Андрею Вас. Пазухину от брата его Григория, служившего в П-бурге:

говорит так: «больше всего дворян находится в уездах: Галицком, Сызганском, Буйском, и Чухломском; в этих уездах находится около 600 дворян вовсе без крестьян, нигде не служащих, и без всякого образования, которые потеряли все достоинство дворянского звания и приблизились к крестьянскому быту. Эти дворяне составляют целые деревни и даже селения, преимущественно по рекам Кореге и Куси».

⁵⁰⁾ Пероновский архив. «Опись дворовым людям, проживающим в Перонове, Суворовове, равно и по чужим сторонам и кто при какой должности. 1847,»; хранится в архиве Костр. Научн. Об-ва.

⁵¹⁾ Документ этот представляет собою тетрадку с таким заголовком: «Книжка, учиненная для выдачи пороху, дрови и пистонов охотникам и для записывания, кем сколько и когда что убито зверей и птицы с 1 апреля 1845 г.» Подсчитывая данные, относящиеся к зверям, можно видеть, что отдельными охотниками было убито: 1) Александром Дмитриевичем Черевинным в 1845 г.—1 лисица и 33 зайца, в 1846 г.—36 зайцев, в т. ч. с облавой 10; 2) Иваном Алексеевичем Лебинным в 1845 г.—17 зайцев, в 1846 г.—13 зайцев, в т. ч. 1 убит с облавой, кроме того 2 зайца и 1 лисица пойманы в капкан; 3) Степаном Апаньевым Горностаевым—в 1845 г.—1 медведь и 44 зайца, в 1846 г.—54 зайца, в т. ч. с облавой 2, 4) Дмитрием Ивановым Стороженко—в 1845 г.—34 зайца, в 1846 г.—28 зайцев, в т. ч. 1 с облавой, 5) Федором Александровым Стасик—в 1845 г.—35 зайцев, в 1846 г.—47 зайцев, в т. ч. 10 с облавой; 6) Александром Ив. Стороженко—в 1845 г.—31 заяц, в 1846 г.—26 зайцев, в т. ч. 9 с облавой; 7) Николаем Михайловичем Соколовым—в 1845 г.—1 медведь, 25 зайцев, в 1846 г.—31 заяц; 8) Вас. Павловичем Меушным—в 1845 г.—6 зайцев. В числе охотников упоминается также Павел Ив. Баргенов. Всего названными охотниками в 1845 и 1846 гг. убито зверей: 2 медведя, 2 лисицы и 462 зайца.

⁵²⁾ Изд. Костр. Губ. Уч. Арх. Ком. СИБ. 1913 г. стр. IX.

просит прислать разного запаса — аржаной муки, сухарей и пр. и добавляет: «Да пришли, братец — государь, *своей охоты зайчих почек*, мы будем кушать, а вас вспоминать»⁵³).

И в заглавных имениях, т. е. там, где сам помещик не жил в усадьбе, охота имела не малое экономическое значение — в числе разного рода припасов, которые посылались бурмистрами и старостами помещикам, продукты охоты занимают далеко не последнее место.

Обширный материал по этому вопросу, между прочим, можно извлечь из архива Суворовской вотчины в северной части Ветлужского у., принадлежавшей в конце XVIII в. Вас. Ив. Суворову — отцу известного полководца⁵⁴). Из приводимых в примечаниях извлечений из этого архива видно, насколько важную роль играла посылка пушчины в хозяйстве лесных вотчин XVIII в. Из вотчины посылаются помещику куницы, зайцы, белки, иногда лисицы и волки — куницы десятками, белки сотнями. Все это добывалось крестьянами для помещика, или у них покупалось. Из приведенных данных видно также, что в отдельных лесных районах (напр., в Ветлужском крае) промысловая зверовая охота играла заметную роль. «В прежнее время — писал Крживоблоцкий (стр. 276) звероловство и птицеловство в Костр. губ. составляли довольно выгод-

⁵³) Подробная опись 59 рукописей Пазухинского архива, докум. № 7 трапскрипция сделана Д. П. Дементьевым. Хран. в архиве Костр. Научн. Об-ва.

⁵⁴) Я. О. Кузнецов. Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. Труды Влад. Уч. Арх. Кол., кн. VI. Губ. г. Влад., 1904 г. Извлекаем из этой переписки соответствующие данные. В январе 1777 г. помещик приказывает: «ежели есть, то прислать с оброком тетеревей, рябчиков и зайцев» (стр. 23). «Могли бы вы — пишет он в февр. 1778 г. — птиц хороших настрелять и наловить, тоже и зайцев и рыбу» (стр. 26). В сентябре 1781 г. шлется приказ: «по первому зимнему пути положенное: сукна, холст, рябчики, тетерки и зайцы, грибов сухих, рыжиков, груздей, малины прислать, как можно поскорее, и все, что положено, рыбы тоже прислать» (стр. 39). Отписка кр-н к Суворову 27 апреля 1783 г. извещает о посылке запаса, в том числе *куниц* — 14, каждая по 1 р. 20 к. итого 6 р. 80 к. (стр. 47). В декабре того же 1783 г. Суворов, извещая о получении запаса, добавляет: «*куниц* еще купить до 60 на недоимочные деньги 34 р. 70 к., а чего доставать не будет, то взять из оброчных» (стр. 49). Приказ 6 мая 1784 г. о присылке провизии упоминает и о зайцах (стр. 49). В отписке 1784 г., между прочим, говорится: «куплено *куниц* 68, а еще на последние деньги на дороге попадет *куниц* али нет» (стр. 50). Отписка 7 марта 1787 г. извещает о посылке запасов, в т. ч. «*куниц* 3, и более сыскать не могли, а с оброком будем стараться искать, *белки* 300..., *зайцев* 8» (стр. 58). В письме 13 марта 1787 г. извещают о посылке в числе разных запасов «2 *куниц* — дано 2 р. 60 к., *волк* 1 — дано 4 р. 40 к.... *зайчины* 33 — дано 3 р. 30 к.» (стр. 61). В письме 1790 или 1791 г. Екатерина Александровна извещает о посылке запасов, в т. ч. *зайцев* 6. 2 апреля 1791 г. Суворова приказывает прислать запасов, в т. ч. *зайцев* 25, «*куниц* стараться прислать 40, но если можно сыскать *белок*, постараться сыскать хороших» (стр. 81). Отписка от 19 ноября 1791 г. извещает о посылке разных припасов, в т. ч. *белок* счетом 410 на 20 р. 50 к., *зайцев* 5 на 1 р., *куниц* 10 цена 13 р. 40 к., *лисиц* 6 цена 19 р. 30 к.» (стр. 86). Наконец в реестре без даты указывается, что у кр. Алексея Саведьева взято 5 *зайчин*, по 17 коп. *зайчина* (стр. 95).

ный промысел, так что жители, занимавшиеся им, могли исключительно этим ремеслом уплачивать все свои повинности».

В связи с сильным распространением псовой охоты в помещичьих усадьбах Костр. губ. в прежнее время славилась своими гоцчарами, которые так и назывались Костромскими⁵⁵⁾.

О происхождении Костромской гоцчей любопытные сведения можно найти у П. М. Губина⁵⁶⁾ «Костр. гоцчая—говорит он (часть II, стр. 40—42) выведена в России, во время она довольно отдаленные, татарами охотниками, от меси русских прямогонных гоцчих собак с ищейками, наполнявшими в те времена дворы каждого охотника татарина Костр., Яросл. и других смежных губерний. В конце 30-х и начале 40-х гг. псовые охотники еще продолжали посылать в те губернии, и преимущественно в костромскую, как более обитаемую татарами-охотниками, за покупкою целых стай гоцчих нагоненных собак, как, напр., помещики Тамбовской губ. П. Е. Мосолов, Ф. И. Богданов, В. П. Можаров, Нестеров и др., которые неоднократно посылали за гоцчими собаками в Костр. губ., а г. Мосолов—так тот никогда не держал более двух осеней у себя одной и той же стаи гоцчих, и потому ему постоянно приводили целыми стаями их из Костромы. Как именно произошла *эта замечательная по гоцбе* установившаяся впоследствии порода гоцчих «костромских» собак, объясняют старинные псовые охотники, имевшие дело с костромскими охотниками-татами, след. образом: в те времена, когда татары густо еще населяли Костромскую и смежные с нею губернии, много было из татар охотников-промышленников и преимущественно ружейников, которые специально занимались только одною охотою за разными зверями, с своими разного рода и вида ищейками, т. е. особого рода дворняжками-лайками, исполнявшими у них обязанности гоцчих собак, но которые, понятно, никогда не могли сравняться в гоцбе с настоящими собаками, а потому охотники-татары, слыша много о досуге русских прямогонных гоцчих собак (а, б. м., и зная их) заказывали своим собратам-татам торговцам (искрещивавшим в те времена всю Россию для торговли разными товарами) доставать где возможно «из сбывочных» в псовых охотах гоцчих собак для охоты с ними, а т. к. «в сбывку» по окончании каждой осени назначалось владельцами псовых охот очень много разного сорта устаревших и вообще почему-либо негодных для езды собак, которые в поступали в собственность охотников-царей, то татары-торговцы и выменивали их у прислуги (царей) за безценок, а именно—за какой-нибудь платок ситцевый, фунт чаю или за несколько фунтов рыбы и т. п. и приводили их к себе в Костр.,

⁵⁵⁾ И даже попали в взявшую литературу. В «Записках охотника» Чертопанов мечтает о костромских собаках: «помечтал, лежа на спине и покуривая трубку, о том, как он распорядится с оставшимися деньгами, а именно, как он раздобудет собак: *настоящих костромских и непременно красногегил*».

⁵⁶⁾ Полное руководство ко псовой охоте, составленное П. М. Губиным. В трех частях, М., 1891 г.

Яросл. и другие смежные губернии своим собратам-татарам, охотникам-промышленникам, которые, выбрав лучших гонцов из русских прямогонных гончих (как пресбладающей, в те времена, породы гончих собак в псовых охотах), оставляли их у себя, охотились с ними и ищейками на всяких зверей и держали их постоянно на свободе вместе с своими ищейками, на положении дворовых собак. Вследствие чего, вначале, быть может, и случайно, оставляя щенят от русских прямогонных гончих с своими ищейками, татары-охотники добились очень хороших мешанных гонцов по всякому зверю. После этого уже татары-охотники обратили серьезное внимание на мешаных своих гонцов и стали выкармливать щенят (как волчат) в вырытых и огороженных ямах, по нескольку поместов вместе, образуя т. обр. целые стаи однокорытников, собак по двадцати и более в каждой стае; и затем, начиная наганивать их с верным гонцом, отцом их или матерью, еще с шестимесячного их возраста, они доводили в гоньбе эти стаи мешаных собак до совершенства, таекаясь с ними по лесам чуть ли не каждый день. Вследствие чего с течением времени татары-охотники, совершенствуя породу своих гонцов и полевые их качества, дошли до того, что слава о породе костр. гончих сделалась известною повсюду; и гг. псовые охотники, не придерживающиеся породы своих собак, а нередко и вынужденные к тому следствием чумы и других заразительных болезней, уничтожавших в те времена собак чуть не целыми псарнями, стали покупать у костр. татар съезженные и совсем готовые (не требующие хлопот) стаи гончих татарских, т. е. «*костромских*» собак, которые оказались вполне пригодными по своему досугу, но навсегда утратившими *красоту* и *правильность типа* настоящих чистокровных русских прямогонных гончих. Вот как объясняют старинные псовые охотники происхождение и название гончих костромской породы собак».

Оставляя в стороне вопрос о густом заселении Костр. края в прежнее время татарами, что представляется вообще сомнительным, необходимо отметить, что действительно татары из Татарской слободы, находящейся под Костромой — едва ли не единственного татарского населения в пределах края ⁵⁷⁾ — еще в конце XVIII в. занимались выкармливанием не только гончих, но и борзых собак. На этот счет имеется вполне определенное указание в «Деле № 1872». Там говорится, что «жители Татарской слободы (под Костромой) б. ч. занимаются в ловле зайцев, которые (т. е. жители) и собак борзых и гончих выкармливают в слободе своей и их продают». Возможно, что этим промыслом они занимались еще и раньше, до переселения в Костромскую губ. из Ярославской. Т. обр. объяснение происхождения Костромских гончих, даваемое Губиным, по крайней мере в части

---

⁵⁷⁾ Поселены татары в Татарской слободе в 1761 году (см. Пам. Кн., стр. 299), переведены сюда из Ярославской губ., где в начале XVI в. были поселены в г. Романове.

подтверждается: Костромские татары еще в конце XVIII в. выкармливали на продажу охотничьих собак, и не только гончих, но и борзых ⁵⁸⁾

В некоторых помещичьих усадьбах Костр. края в связи с развитием псовой охоты создавалась своего рода целая собачья культура или, если хотите, настоящий собачий культ.

Некоторое представление о нем могут дать усадебные архивы XVIII в, напр., печатный «Архив с-ца Зиновьева» или подготовленный к печати Д. П. Дементьевым Пазухинский архив ⁵⁹⁾ В частных письмах этих архивов собаки фигурируют не однажды, пишут о них часто и любовно; видимо, собака играла видную роль в жизни. Не напрасно поэтому уже цитированный Макаров говорит (стр. 21), что б. ч. дворян описываемой эпохи «служила в военной службе, но не долго: лень, нетерпение и наследственные псарни манили их в деревню, и они спешили выходить в отставку» (Курсив наш). Вот, напр. перед нами письмо Федора Витовтова 1779 г. к А. В. Пазухину: «Еще же — читаем в нем — пишете, что какова у меня собаченка, то я весьма увеселяюсь скуки ради, и ловит по своей пропорции» (Пазух. арх. № 36). О собаках заботятся, чтобы были сыты — и, вероятно, не меньше, чем о людях. «Также ведомо тебе буди — пишет Андрей Гурьев зятю своему Пв. Петр. Жадовскому 10 февр. 1746 г. — что жене твоей матушка твоя ничего не даст, как льпу, так и протчева, а про твоих собак овец берет из Бо-

---

⁵⁸⁾ О происхождении Костромских борзых данных у нас не имеется, но от знатоков собак и охотников приходилось слышать, что знаменитые густопсовые русские борзые произошли от помеси татарских собак с нашими северными лайками — в Костр. и других губерниях. Указывают, что наиболее верно эта исчезнувшая Костромская борзая написана на картине из усадьбы Дешново Костр. у. М. Н. Зузина, изображающей псовую охоту Андрея Зузина (в эпоху крепостного права) и находящейся в Музее Костр. Научн. Общ. Незишне будет прикести то, что говорит о густопсовых собаках Корвиш в «Жизни животных в фотографиях с природы» (стр. 88 89): «Из охотничьих пород собак, употребляемых для травли волков, самая знаменитая русская густопсовая борзая. Быстрота и сила этих собак изумительна, и вельзя не пожалеть, что вместе с упадком охоты с борзыми эта порода стала в России очень редка, несмотря на то что ее стараются поддерживать и сохранять. Упадок этой охоты, вызванный обеднением помещиков после уничтожения крепостного права, был без сомнения одной из причин чрезмерного размножения волков в России, хотя главной причины того была вырубка лесов, т. е. огромное размножение мелколесья, этого коренного места пребывания волков... В последнее время русских борзых начали вывозить в Америку для травли волков в Западных штатах... Один из.. охотников жил на ранчо у полковника Рузвельта на Мал Миссури и имел стаю таких собак, которые без всякой посторонней помощи разрывали на клочки любого волка. О своих собственных волчьих охотах Рузвельт пишет... «Лучше всего стая из крупных и сильных борзых. При хороших условиях три или четыре таких собаки легко догоняют и загрызают даже самого крупного волка... Смелость и злобность русских борзых удивительна».

⁵⁹⁾ С-цо Зиновьево находится в окрестностях Костромы, в 11 верстах. Пазухинская усадьба была расположена в пределах Пасского стана.

ровкова и мясо покупает про них на свой деньги, а матушка ничего как овса, так и денег на мясо собакам не дает» (Арх. с-ца Зиновьева, стр. 46).

Собака — верный друг. Когда с ней случается несчастье — скорбят; когда околеваает — это равносильно сиротству. Некто Иван Калашников видимо, с горечью пишет (в 1779 г.) тестю своему Андрею Вас. Пазухину: «да еще вам доношу: полевая сучка убила на поле, вышибла заднюю ногу» (Пазух. арх. № 38). К тому же Андрею Вас. Пазухину пишет некий Андрей Адамович (в 1778 г.): «Милостивый государь и почтенная государыня, Андрей Васильевич и матушка Мария Ивановна! Всякого вам благополучия и многолетнего здравия желаю. Покорно я вас прошая... пожалуйте своею просьбою и не оставте меня, бедного человека. Нет-ли у вас собачки лишней, какой бы ни на есть, хоть борзые, хоть гончие, а я нынче осиротел, и сле *фромной недели* у меня щененок скончался, а я теперь один остался... пожалуй, батюшко, Андрей Васильевич, не оставь, за что я вам сам заслужу» (Паз. арх. № 32).

Собак выпрашивают, выменивают на лошадей, из-за собак ссорятся. «Государь мой, Андрей Васильевич — пишет тому же Пазухину в 1753 г. Петр Суколенов — уповая на вашу, государя моего, прежнюю милость, сим временем возымел смелость утрудять, ежели возможно пожаловать меня — одолжите гончую собачкою, за что вам, государю моему, ныне и впредь служить с моим почтением должен. А ежели и одной из гончих не пожалуешь, то покорно прошу хоша из щенят» (Пазух. арх., № 13).

Или вот еще одно колоритное письмо (без даты) Андрея Вас. Пазухина к Льву Вас. Челюскину: «Государь мой, Лев Васильевич! послал я нарочного к вам до вас, государя, моего человека просить, а так и сам прошу с покорностию мою вас, милостивый г-рь мой: пожалуй, пришли черную борзую суку, которую вы мне обучали. А которого я вашей милости отдал черного кобеля и до вас послал, и оной кобель прелюхой, знаю, также вам понравится, токмо изволь крепко привязать. А я одну суку послал в Москву за необходимое мое дело, а дело мое имеется у меня с князем Сергеем Ивановичем Долгоруковым, и он ко мне писал именно о черной сукке... при том же покорно прошу пожаловать, гончую собаку ко мне прислать, а сверх того покорно вторично вас, милостивый г-рь, прошу о черной сукке, чтоб пашу нужду не оставить, за что и я вам с почтением служить всегда буду, дабы мог к нему послать токмо отсуженное Семену Кириловичу Нарышкину» (Пазух. арх. № 42).

Мы не приводим ряда других писем, имеющихся в усадебных архивах и свидетельствующих о том, насколько действительно видное место в помещичьей усадьбе XVIII и начала XIX в. занимала охотничья собака ⁶⁰⁾, так как и приведенного достаточно. Насколько ценились со-

⁶⁰⁾ См., напр., также «Архив с-ца Зиновьева», стр. 96, 97, 98; Пазух. арх. №№ 4, 9, 13, 41, где говорится о серых борзых, о смычках гончих, о чернопегих кобелях, о кобеле «черный загрявок» и т. д.

баки, насколько выдающееся место отводилось охоте, видно также из следующего: «лучшие из борзых—говорит Макаров (стр. 8—9)—воспитывались и квартировали в домах своих владельцев, вместе с их детьми и женами, пользуясь кушаньем с барского стола, имея свои постели, т. е. тюфяки, набитые сеном и лежавшие в углу кабинета, столовой и даже залы. Четвероногие аристократы, т. е. Няяны, Злобияны, Змейки, Стрелки высоко ценились любителями и знатоками этой псовой аристократии, имевшей свою собачью герольдию и свои родословные... у меня осталось в памяти, как один такой любитель предлагал моему отцу за Злодея и Вихру, брата и сестру, 500 руб. ассигн. да на придачу две дворовые семьи на выбор»⁶¹⁾.

Чтобы покончить с описанием этого своеобразного культа охотничьей собаки, укажем, что бывали случаи, когда из за собак делались наезды, стоившие жизни людям. Вот, напр., что рассказывает в своих посмертных записях «Из прошлого» Н. П. Колюпанов⁶²⁾... «другой анекдот рассказывал мне К. П. Готовцев, один из самых умных и образованных людей, человек, недопускавший врагья. Это было также в конце двадцатых годов. На двор его отца забежала борзая собака соседа и бросилась на домашнюю,—чужую собаку убили. Дня через три—отец с семьей пил чай на террасе,—на двор въехал верхом доезжачий соседа, не снимая шапки, подъехал к террасе и провозгласил: «барин приказал тебе сказать, ты убил у него собаку, за это он сегодня съег у тебя мельницу и в ней мельника с семьей, так что ты—миру просишь или продолжать станешь?» Отец Готовцева просил миру, и поэтому соперники съехались, с своими охотами и псалями где-то в поле, на нейтральной земле, и трое суток праздновали примирение».

С падением крепостного права (да и накануне его еще) охота пошла под уклон. Еще в 1857 г. Васьков в своем описании Нерехотского уезда говорил, что охотятся «более дворовые люди, имеющие больше досуга и особенно живущие в тех усадьбах, где некогда владельцы держали большие охоты и где охотничий дух поддерживается преданиями»⁶³⁾. Стало-быть, уже в 50-х гг. 19 ст. в Нерехотском у. большие помещичьи охоты отошли в область преданий. Частью взамен их стали заводить свои охоты представители нового социального слоя, шедшего на смену дворянству—местные фабриканты, вышедшие из низов. Наряду с этим стала развиваться любительская ружейная охота в городах.

Да и вообще охота, не только любительская, но и промысловая, крестьянская, стала падать с отменой крепостного права. «Даровое и почти безконтрольное пользование со стороны крестьян богатствами края—говорится в «докладе Ветлужской уездной зем. управы об экономич. положении населения Ветлуж. уезда» (Труды местных комитетов о нуж-

⁶¹⁾ На стр. 9—11, отметим кстати, автор подробно описывает «огнезжиг поля»—осеннюю псовую охоту.

⁶²⁾ Рус. Обзорение 1895 г. № 5, стр. 27.

⁶³⁾ «Нерехотский уезд в 1857 г.» Костр. губ. Вед. 1872 г. № 19, стр. 129.

дах с хоз. промышленности XVII. Костромская Губ. СПб. 1903, стр. 265) — давало им возможность развить промыслы: рогожный, дегтекурение, смолокурение, сбыт корья на кожевенные заводы, бортовое пчеловодство и охоту. в весьма обширных в то время лесах на пушного зверя и птицу, из чего они извлекали значительные выгоды и жили весьма зажиточно... Результатом нового порядка вещей (после отмены креп. права) явился постепенный упадок вышеупомянутых промыслов... право охоты и рыбной ловли в частных и казенных дачах остались за владельцами, и за право охоты в них владельцы начали взимать с крестьян денежную плату». «В настоящее время — писал Крживоблоцкий (стр. 276), — когда уже исчезли дремучие леса и когда крестьяне, работая целую зиму в лесных дачах, а летом на своих сенокосах, расчищенных между лесами, сделались скорее жителями лесов, нежели звери и птицы, число последних значительно уменьшилось, вследствие чего самый промысел стал маловыгодным, а потому теперь жители охотою занимаются более по привычке и страсти в свободное от сельских работ время». Крживоблоцкий указывал, что больше всего охотою занимаются жители восточных лесных уездов: Варнавинского, Ветлужского, Макарьевского и Кологривского и отчасти Галичского, Чухломского, Солигаличского, причем наибольшее промысловое значение имела охота на белку, занимавшая «едва ли не первое место между всеми звериными промыслами, как по многочисленности добычи, так и по легкости, с какою они достаются звероловам» (стр. 277). Шкуры зверей продавались охотниками на домах приезжим купцам.

Сокращение промысловой охоты отмечено и в материалах анкеты 1912 г., рисовавших положение вещей в конце мировой войны.
